

Осипова Н. Г.
МГУ им. М. В. Ломоносов
Русија

НЕРАВЕНСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СУЩНОСТЬ, ИНСТИТУТЫ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ДИНАМИКА

THE GLOBAL INEQUALITY: GENESIS, EVOLUTION, INSTITUTIONS AND FORMS

ABSTRACT The paper examines the problems of social inequality in the era of globalization. Globalization is leading to major changes in the socio-political sphere that directly affect, albeit to varying degrees, all members of the international community. One of the most disturbing trends is that increased globalization is not accompanied by political integration or reduction of global imbalances in respect of wealth and power.

It is proved that the ideology of globalism, supported by agents of globalization, violates the sovereignty, the thin fabric of equality, democracy and pluralism in many countries of the world community. The examples of different kinds of equality, caused by the global expansion of Western patterns of social behavior and neo-liberal values, are presented. Sociology possibilities in softening of an existing inequality are considered.

Key words: social inequality, era of globalization, ideology of globalism, agents of globalism, institutions of globalism, neo-liberal values, global inequality, regional characteristics of global inequality, sociology.

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются генезис и причины социального неравенства в эпоху глобализации. Показано, что глобализация ведет к серьезным изменениям в социально-политической сфере, которые непосредственно затрагивают, хотя и в разной степени, всех членов мирового сообщества. Несмотря на увеличивающуюся экономическую и культурную взаимозависимость, мировую глобальную систему разрывает глубокое неравенство.

Автором детально рассматриваются различные виды неравенства, связанные с деятельностью ключевых институтов глобализации, пропагандирующих неолиберальную идеологию, показаны их региональные особенности. Определены возможности социологии и социологов в смягчении существующего глобального неравенства.

Ключевые слова: социальное неравенство, эра глобализации, идеология глобализма, агенты глобализма, институты глобализма, неолиберальные ценности, глобальное неравенство, региональные характеристики глобального неравенства, социология.

«Общества без расслоения, с реальным равенством их членов – миф, так и никогда не ставший реальностью за всю историю человечества» (Сорокин, 1992: 304).

«В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» (Бергер, Лукман, 1995: 295).

«Люди сами создали то неравенство, которое имеют, но они также в состоянии его смягчить. С неравенством нельзя мириться, важно определить, в каких границах его нужно иметь» (Crone, 2007: 47).

Происхождение власти, а вслед за ней – неравенства, основанного на неравномерном распределении благ и привилегий в обществе – постоянный предмет переживаний обычных людей, политической полемики и дискуссий в среде ученых.

Политики обосновывали, оправдывали или критиковали неравенство с помощью идеологических построений, основанных на религиозных или светских источниках. Например, элитарные идеологии обосновывали неравенство (существование «избранных») божественным или природным происхождением. Они оправдывали более высокие социальные позиции и преимущества отдельных людей их «приближенностью к Богу» или «принадлежностью к высшей расе, касте» и т.п. Эгалитарные идеологии, наоборот, выступали против изначально заданного неравенства людей, проводили идею естественных и одинаковых прав и привилегий.

Так британский философ и политик Джон Локк (1632–1704) в своем известном труде «Два трактата о правлении» полемизировал с сэром Робертом Филмером (1588–1653), утверждавшим божественное происхождение монархической власти и неравенства. Дж. Локк, опираясь на текст «Бытия» Ветхого Завета, утверждал, что (с момента сотворения мира) власть в мире никогда не была единоличной. Бог, делая дар, отдал весь мир «Им», то есть, всем людям сообща, а не исключительно одному Адаму. «Слово „им“ в тексте Ветхого Завета должно включать весь род людской, ибо, несомненно, слово „им“ ни в коем случае не может обозначать одного Адама» (Локк, 1988: 159).

Дж. Локк доказал, что у человека есть естественная свобода: «Все, у кого одинаковые природа, умственные и физические способности, по природе равны и должны пользоваться одними и теми же общими правами и привилегиями» (Локк, 1988: 188). Тем самым он выдвинул принцип «естественных, дарованных свыше (*Богом – Н.О.*) прав человека», таких как право на жизнь, свободу и собственность. Индивиды изначально равны, – с точки зрения их гендерной и расовой принадлежности, религии и социального происхождения и, следовательно, они в равной степени могут пользоваться политическими и гражданскими правами в обществе.

Тема неравенства неизбежно присутствовала в политических доктринах и программах, которые или акцентировали неизбежность неравенства и даже утверждали его полезные социальные функции или, напротив, формулировали идеи равенства, требования выравнивания жизненных шансов, а также в этических теориях, трактующих равенство и неравенство как моральные ценности. Однако наибольшее развитие она получила в социально-философских концепциях, включающих поиски источников неравенства в индивидуальных качествах человека или в социальных условиях его существования.

Представители «индивидуалистических концепций» утверждали, что фактическое неравенство людей имеет исключительно личные причины. Индивиды от рождения обладают неравными талантами и способно-

стями, их затем отличает неравный уровень мастерства, желание или нежелание упорно работать или стремиться к самосовершенствованию, что, в конечном счете, и приводит к неравенству. Интересно, что в рамках данных концепций большое внимание уделялось составлению длинных списков индивидуальных причин нищеты. Наиболее распространенными среди них признавались невежество, моральная и телесная нечистоплотность, склонность к преступлениям, невоздержанность, алкоголизм. То есть, речь шла о недостатках индивидуальной психологии, а не о социальной патологии, что, в конечном счете, нивелировало социальные причины негативных общественных феноменов.

Сторонники «социальных концепций» или «социологизма» (в терминологии Э. Дюркгейма) исходили из следующей посылки: источник социальных проблем нужно искать в политической и экономической системе общества» (Ritzer, 2000: 31).

Под социальным неравенством они подразумевали неодинаковый доступ (или неодинаковые шансы доступа) к общественно ценным благам, вытекающий из принадлежности к различным группам, или из занятия различных общественных позиций (Штомпка, 2005: 370). Причину социального неравенства они усматривали, прежде всего, в неравных отношениях собственности, изначально присущих народам и людям, а затем – капиталистической экономике и соответствующему ей социальному порядку. В результате развития подобных концепций не индивидуальные различия, а именно социальное неравенство и выяснение сущности и причин этого феномена стали постоянным и особым предметом внимания социологов. Действительно, трудно назвать социолога, который в той или иной степени не затрагивал бы проблему социального неравенства.

На наш взгляд, одно из наиболее убедительных социологических объяснений причины появления социального неравенства принадлежит Питириму Сорокину. Этот ученый связывал происхождение неравенства с социальной стратификацией – дифференциацией некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества (Сорокин, 1992: 302).

Согласно П. Сорокину, социальная стратификация имеет место всегда, когда есть постоянный общественный образ жизни и социальное взаимодействие, как только появляются зачатки социальной организации. Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована (Сорокин, 1992: 304), таким образом, социальная стратификация – постоянная характеристика любого общества. Реальная картина социальной стратификации любого общества очень сложна, а конкретные ипостаси социальной стратификации многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политиче-

ская и профессиональная стратификация. Как правило, все они тесно переплетены. Однако взаимозависимость трех форм социальной стратификации далека от совершенства, ибо различные слои каждой из форм не полностью совпадают друг с другом. Вернее, они совпадают друг с другом, но лишь частично, то есть до определенной степени (Сорокин, 1992: 303).

На наш взгляд, анализ многочисленных концепций социального неравенства, разработанных классиками социологической науки и современными социологами, позволяет дать собирательное определение этому явлению.

Социальное неравенство – это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей.

К источникам социального неравенства обычно относят неравномерное распределение общественных благ, которыми стремятся обладать члены общества. Среди этих благ особенно выделяют материальные (богатство) и символические (власть, престиж и т.п.) блага. Эти блага и становятся важнейшими генераторами ведущей формы социального неравенства – неравенства экономического.

Экономическое неравенство, изначально основанное на неравном обладании материальными ресурсами, разделяет общество на «богатых» и «бедных».

Первые (богатые) обладают высокими доходами и собственностью, с помощью которых получают больше власти и влияния. Хотя у них нет абсолютного влияния, их влияние значительно больше, чем влияние среднестатистического гражданина в какой-либо стране. Богатство также облегчает доступ и к другим благам нематериального характера, например, – образованию и медицинской помощи, в отношении распределения которых также существует серьезное социальное неравенство.

Бедные характеризуются «явной недостаточностью имеющих у них имущественных ценностей, товаров, денежных средств, минимально необходимых для поддержания жизнедеятельности» (Александрова, 2003: 91). Обычно индикатором бедности служит сопоставление среднедушевого дохода с прожиточным минимумом, т.е. со стоимостью минимальной корзины, формируемой с учетом установленных нормативов потребления. Следует отметить, что в настоящее время бедность представляется как многомерный и кумулятивный (совокупный) процесс взаимодействия и взаимовлияния различных факторов. Такие факторы как безработица и ситуация на рынке труда по-прежнему остаются в центре внимания, но уже наряду с другими переменными, в числе которых низкий уровень образования, семейное положение, инвалидность, слабое здоровье, отсутствие жилья и т.п. (Ярошенко, 2006: 40)

Вопросы экономического неравенства находятся в центре дискуссий, ведущихся по всему миру экономистами, социологами и представителями многих других наук. Для оценки различий в рамках экономического неравенства учеными применяется система экономических показателей – нормативных потребительских бюджетов, включающих прожиточный минимум (ПМ), минимальный потребительский бюджет (МПБ), бюджет высокого достатка (БВД). Эти показатели позволяют идентифицировать бедных (с доходами ниже ПМ), низкообеспеченных (с доходами выше ПМ, но меньше МПБ), средних (с доходами выше МПБ, но ниже БВД), а также состоятельных и богатых людей с доходами выше БВД. Степень неравенства в распределении доходов измеряется кривой Лоренца. Она показывает, какая часть общей суммы доходов идет разным по уровню материального достатка слоям населения, что выражается в изменении от 0 до 1 коэффициента Джини, значения которого отражают концентрацию денежных доходов¹.

Наряду с экономическим неравенством существовали и до сих пор существуют и другие традиционные виды социального неравенства, например гендерное неравенство, связанное, прежде всего, с дискриминацией женщины расово/этническое неравенство, которые получили освещение в обширной научной литературе².

Современные исследователи, в частности, выделяют «неравенство профессий» (К. Дэвиса и У. Мур), «неравенство власти» (М. Фуко), «неравенство в обладании различными видами капитала, включая символический капитал» (П. Бурдьё), «неравенства жизненных шансов и гражданских прав людей» (Р. Дарендорф).

Особое звучание, остроту и сущность приобретает проблема социального неравенства в эпоху глобализации.

Обычно термином «глобализация» социологи обозначают усиливающуюся взаимозависимость мирового сообщества. Сущность глобализации заключается в том, что «это объективный, естественный процесс интеграции человечества» (Добренков, 2005: 3), который всесторонне рассматривается представителями различных дисциплин.

Социологи ориентированы на исследование глобальных социальных процессов и проблем, связанных с установлением нового социального

¹ Смотри подробнее: Бобков В. Экономическое неравенство: российские тенденции на фоне мировых реалий // Общество и экономика. 2003. № 1.

² Так, об особой дискриминации женщин в Азиатских странах смотри: Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. New York: Oxford University Press Inc., 2005; Moghadam V. M. Fundamentalism and the Woman Question in Afghanistan // Fundamentalism in Comparative Perspective / L. Kaplan (ed.). Amherst, Massachusetts: University of Massachusetts Press, 1992. О неравноправии женщин в странах Запада смотри: Howland C. The Challenge of Religious Fundamentalism to the Liberty and Equality of Rights of Women: An Analysis under the United Nations Charter // Columbia Journal of Transnational Law. 1997. № 35; Rose S.D. Christian Fundamentalism: Patriarchy, Sexuality, and Human Rights // Religious Fundamentalisms and the Human Rights of Women / C. Howland (ed.). New York: St. Martin's Press, 1999.

порядка, с проявлением факторов глобализации в социальной сфере. Социологический подход к феномену глобализации звучит следующим образом: вне контекста глобализации в социологии нельзя рассматривать ни одно социальное явление. К сожалению, многие социальные проблемы, имеющие место в современном мире, принимают глобальный характер.

Под глобальными социальными проблемами следует понимать проблемы, которые:

- затрагивают по своей сути интересы всего человечества, а в перспективе и его будущее;
- требуют для своего разрешения объединенных усилий всех народов планеты; их невозможно разрешить только на местном или региональном уровне.

Согласно этому определению социальное неравенство – это глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу. Это одна из тех негативных социальных реалий, которую социология не может обойти молчанием³.

Глобализация ведет к серьезным изменениям в социально-политической сфере, которые непосредственно затрагивают, хотя и в разной степени, всех членов мирового сообщества. При этом, несмотря на увеличивающуюся экономическую и культурную взаимозависимость, мировую глобальную систему разрывает неравенство, она подобна лоскутному одеялу, состоящему из государств, которые имеют не только общие, но и противоположные интересы. Одна из самых тревожных тенденций заключается в том, что усиление глобализации не сопровождается политической интеграцией или уменьшением мирового дисбаланса в отношении богатства и власти.

Происходящую сегодня эволюцию международных отношений отличает стремление к культурному и, в особенности, к политическому доминированию в мире со стороны Западных стран, что позволяет говорить об асимметричном характере глобализации. Одной немногочисленной группе государств принадлежит наибольшая часть всемирного экономического богатства и мощи. Другая, большая группа, является предметом экономической эксплуатации, политического, военного и культурного подчинения или же воплощением нищеты и бессилия (Bowel, 2002: 282). Таким образом, становление глобальных социальных отношений тесно связано с крупномасштабным неравенством между высокоразвитыми и развивающимися странами и уровнями жизни их граждан.

Подобное глобальное неравенство находится в интересах определенных социальных групп, так называемых «агентов глобализма». Это высшие менеджеры транснациональных корпораций, государственные

³ Смотри подробнее: Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке: доклад на II Всероссийском социологическом конгрессе. 30 сентября – 2 октября 2003 года. М., 2003. С. 6.

чиновники, специалисты по связям с общественностью, журналисты и правые политики, которые усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления. В частности, они утверждают, что глобализация, неизбежна и неотвратима и означает дальнейшую либерализацию экономики и глобальную рыночную интеграцию. Глобализация приносит пользу всему мировому сообществу и способствует распространению демократии по всему миру (Steger, 2003: 97).

На самом деле, здесь речь идет не о глобализации как таковой (о естественном процессе интеграции человечества), а о глобализме – идеологических построениях, которые включают понятие глобализации в русло неолиберальных ценностей и норм (Бжезинский, 2006: 188).

Следует отметить, что в неолиберализме ключевым принципом является не индивидуальная, а экономическая свобода индивидов (хозяйствующих субъектов), которая гарантирована лишь в рамках рынка и его институтов. Характерной чертой неолиберальной практики является то, что экономика и политика не образуют два измерения социальной реальности, которые, будучи автономны сами по себе, взаимодействуют в рамках диалектических отношений. С одной стороны, экономическая модель «свободного рынка» управляет политикой, в силу чего неолиберальное мышление признается «экономистичным». С другой стороны, политика «выхолащивает» из экономической модели неолиберализма весь созидательный потенциал. Согласно неолиберальной «экономической модели свободного рынка» всеми сферами социального бытия управляют «общие законы рынка». Согласно этим законам, государство должно поддерживать индивидуальные права граждан на частную собственность, власть закона, институты свободного рынка и собственно свободу торговли⁴.

Основной в ряду неолиберальных ценностей считаются отношения частной собственности и рыночной конкуренции. Эта ценность формально связывается с трудами основателя классической экономической теории А. Смита, а на самом деле напрямую восходит к экономическим постулатам основателей Лондонской и Чикагской школ экономики – Ф. Хайека и М. Фридмена, оправдывающих рыночную экономику, основанную на частной инициативе хозяйствующих субъектов и конкуренции.

В частности ведущим в рамках экономической доктрины Ф. Хайека стал принцип «всеохватывающего расширенного порядка», включающий и процессы функционирования «стихийных рыночных сил». Этот принцип заключается в том, что «организуя ту или иную область жизнедеятельности, следует максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению» (Хайек, 2012: 57). Таким

⁴ Смотри подробнее: Chang H.-J. Globalisation, Economic Development and the Role of the State. London: Zed Books, 2003; Jessop B. Liberalism, Neoliberalism and Urban Governance: A State-Theoretical Perspective // Antipode. 2002. № 34/2. P. 452 – 472.

образом, «спонтанные и неконтролируемые усилия индивидов» (Хайек, 2012: 54), могут составить фундамент не только сложной системы экономической деятельности, но и служить процветанию всех членов общества.

М. Фридмен, в свою очередь, утверждал, что вследствие преимущества свободной неограниченной конкуренции, рыночная система обладает способностью автоматически, на базе саморегулирования, приводить себя в равновесие; запас прочности у нее неисчерпаем. Трудности и кризисы, возникающие в экономике, навязываются извне, носят экзогенный характер, а главным их виновником является государственное вмешательство («ни одно правительство не может быть мудрее рынка» (Фридмен, 1998: 12)), – которое блокирует действие стихийных сил и в то же время «раскачивает лодку». Цена «правительственных регуляторов» слишком высока по сравнению с выгодами, имеющими по большей части лишь видимость решения реальных проблем (Фридмен, 1998: 108).

Следует отметить, что из подобных посылок экономического характера, обоснованных в довольно фундаментальных трудах, Ф.Хайек и М. Фридмен, ставшие лауреатами Нобелевской премии по экономике, выводили ряд построений откровенно идеологического характера, облеченных в форму красивых, ласкающих слух обывателей фраз.

Так, Ф. Хайек, анализируя провалы государственного планирования в СССР и странах Восточной Европы, неизбежно ведущие, по его мнению, к тоталитаризму, утверждал: все, что связано с плановым хозяйством и управляемым обществом – плохо. Тогда, по принципу наоборот, – все, что идет от рынка (рыночного хозяйства), или связано с ним – хорошо.

Так, в отношении неравенства, он писал: «Неравенство, кажущееся несправедливым тем, кто от него страдает, разочарования, представляющиеся незаслуженными, и неудачи, ничем не вызванные, будут существовать всегда. Но когда такое случается в сознательно управляемом сверху обществе, люди реагируют на это совсем иначе. Неравенство, обусловленное безличными силами, переносится легче и затрагивает человеческое достоинство в гораздо меньшей степени, чем неравенство намеренное. Однако безработица или потеря дохода, выпадающие на чью-то долю в любом обществе, безусловно, менее унижительны, если являются результатом неудачи, а не навязаны властями. Каким бы горьким ни был этот опыт, в планируемом обществе он окажется еще горше (Хайек, 2003: 113).

М. Фридмен обосновывал и пропагандировал идею «равенства возможностей» – никакие произвольно создаваемые препятствия не должны мешать людям достичь того положения в обществе, которое соответствует их способностям и к которому они стремятся, побуждаемые своими жизненными принципами. Однако эту идею он сразу переводил в экономическую плоскость – это равенство возможностей должно реализовываться, прежде всего, в экономической политике, основанной на «свободном предпринимательстве», «конкуренции», и всем известном принципе «laissez-faire». Результаты реализации подобной экономической по-

литики всегда плодотворны, а наиболее простым и доступным мерилom этих результатов является накопление богатств, выраженное в стремительном обогащении множества частных лиц. Ее следствием также является высвобождение колоссального количества человеческой энергии, что в свое время превратило Америку в еще более продуктивное и динамичное общество.

Именно экономическая свобода и конкуренция, согласно М. Фридену, позволяют уменьшить социальное неравенство. «Повсюду в мире встречаются примеры вопиющего неравенства в распределении доходов и материальных благ, оскорбляющего присущее большинству из нас чувство справедливости. Мало кто может остаться равнодушным перед лицом контраста между роскошью, которой наслаждаются одни, и ужасающей нищетой, в которой прозябают другие. В прошлом столетии возник и окреп миф, что свободно-рыночный капитализм лишь углубляет это неравенство, что капитализм – это система, при которой богатые эксплуатируют бедных.

Система свободной конкуренции высвобождает энергию и способности людей, давая им возможность преследовать свои собственные цели, и при этом защищает их от помех и произвола со стороны их сограждан или властей. Свобода – это отсутствие не только унификации, но и раз навсегда установленной иерархии. У тех, кто сегодня находится в самом низу социальной лестницы, всегда существует перспектива завтра подняться на самый ее верх – и в этом процессе почти перед каждым человеком открывается благодаря свободе возможность прожить более полную и насыщенную жизнь» (Фриден, 2003: 142–144).

Эти неолиберальные ценности, сведенные, в конечном счете, к ряду догматизированных экономических принципов фундаменталистского толка⁵, внедряются в политическую, экономическую и социальную жизнь не только развивающихся стран, но и всех государств, испытывающих временные экономические трудности современными институтами глобализации (вернее – глобализма), одновременно являющимися, на наш взгляд, институтами глобального социального неравенства. В их числе – Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО), Министерство финансов США и целый ряд специально созданных обществ и фондов.

Всемирный банк и Международный валютный фонд были учреждены в 1944 году на международном форуме в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хэмпшир, США) с целью предотвращения экономических потрясений и катастроф, подобных тем, что вызвали глубокую дестабилизацию Веймарской Германии и Великую депрессию. Всемирный банк должен был осуществлять долговременные инвестиции, помогая развитию бедных

⁵ Смотри подробнее: Экономический фундаментализм // Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., Изд-во РГСУ, 2010. С. 327–368.

стран, а МВФ должен был служить глобальным амортизатором шоков, бороться против финансовых спекуляций и нестабильности рынка, выдавать гранты и займы для предотвращения кризисных явлений в какой-либо стране⁶.

Однако деятельность МВФ и Всемирного банка не соответствовала выдвинутым целям. С самого начала влияние в них было распределено не по принципу «одна страна – один голос», как в Генеральной ассамблее ООН, а по величине экономики каждой страны. Это позволило Соединенным Штатам налагать вето на любое важное решение, а вместе с Европой и Японией задавать тон в обсуждении любых вопросов. Эти организации, совместно с Министерством финансов США, разработали стратегию, получившую название «Вашингтонский консенсус». Эта стратегия базировалась на десяти обязательных рекомендациях – показателях экономического здоровья страны, которые, как утверждали их разработчики, «разделяют все серьезные экономисты». Эти рекомендации, на самом деле, содержали откровенно идеологические положения, облегчающие проникновение иностранного капитала в национальную экономику стран, испытывающих экономические трудности, переживающих социально-политический кризис или терпящих стихийное бедствие. Когда какая-либо страна обращалась в МВФ с просьбой о займе, этот фонд выдвигал обязательное условие возможного кредитования. Этим условием являлось соблюдение разработанной им «концепции развития страны», вошедшее в историю под названием «шоковой терапии». Под «развитием» понималась полная структурная перестройка экономики страны по неолиберальному образцу, выраженная в первую очередь в приватизации государственного сектора, отмене государственного контроля (либерализации) и сокращении бюджетного дефицита – резком снижении затрат на социальную сферу.

Сегодня специалисты считают концепцию «структурной перестройки» остроумной маркетинговой стратегией. В частности Дэни Родрик – экономист, сотрудничавший с Всемирным банком, писал в этом отношении следующее: «Всемирный банк изобрел и успешно использовал на рынке концепцию „структурной перестройки“, которая в одной упаковке содержала микроэкономические и макроэкономические реформы. Структурную перестройку покупали в качестве меры, необходимой для спасения экономики страны от кризиса. Когда правительства покупали этот пакет, они не видели разницы между здоровой макроэкономической программой достижения равновесия и стабилизации цен, с одной стороны, и программами, которые требовали открытости [например, свободной торговли] – с другой. Этот вопрос умышленно замалчивали. Принцип был прост: страна, переживавшая кризис, отчаянно нуждалась во внешней по-

⁶ Article I – Purposes. Articles of Agreement of the International Monetary Fund // International Monetary Fund // www.imf.org

мощи для стабилизации своей валюты. И когда мероприятия по приватизации и свободной торговле предлагаются в одном пакете с финансовой помощью, стране ничего не оставалось, кроме как принять пакет целиком. Хитрость экономистов заключалась в том, что они понимали: свободная торговля не имеет никакого отношения к антикризисным мероприятиям, – но и эту информацию „замалчивали“. Такой подход заставил бедные страны принять программы, которые для них выбрал Вашингтон» (Rodrik, 1994: 81–82).

Таким образом, методы, которые использовали Международный валютный фонд и Всемирный банк, усиливали главенствующую роль США в организации мировой экономики. В то время как это государство могло иметь дефицит платежного баланса, другие страны должны были принимать меры к его восстановлению посредством борьбы с инфляцией, сокращения импорта и инвестиций за границу, увеличения ставки рефинансирования, девальвации национальной валюты и других мер, рекомендуемых МВФ и Всемирным банком.

В научной литературе отражены временные этапы и перечислены страны, которые так или иначе подверглись шоковой терапии, особое внимание уделено ее экономическим, политическим и социальным итогам⁷.

Общим социальным итогом стал рост безработицы и стремительное расслоение на богатых и бедных во всех этих странах. Так, в Латинской Америке рост не сопровождался сокращением неравенства или хотя бы сокращением бедности. В некоторых случаях бедность фактически выросла, о чем свидетельствуют городские трущобы, обезображивающие ландшафт (Стиглиц, 2003: 104).

Триумф «глобализма» и тезис о том, что глобальная рыночная экономика торжествует по всему миру и принимается странами на основе свободного волеизъявления народов признаны мифом. Как отмечает американская исследовательница Н. Кляйн, на самом деле это – «капитализм катастроф». Под «капитализмом катастроф» она понимает «специально организованные набеги на общественные территории, когда замешательство народов и государств, возникающее в результате массовых общественных потрясений, – войн, террористических атак и природных катаклизмов, воспринимается как «восхитительные возможности для рынка», а, в конечном счете, служит открытой экономической и политической экспансии частного капитала высокоразвитых стран (Кляйн, 2009: 19).

Даже в США имеет место процесс постоянной экспансии частного капитала, который оборачивается захватом сфер, традиционно охраняемых государством. Одним из наглядных примеров, которые приводит Н. Кляйн, является стихийное бедствие в США – ураган «Катрина», в результате которого был затоплен Новый Орлеан и разрушены его многие социальные

⁷ Смотри, например, бестселлер: Kozul-Wright R., Rayment P. *The Resistible Rise of Market Fundamentalism: Rethinking Development Policy in an Unbalanced World*. Network Penang, Malaysia: Zed Books London and New York, 2007.

объекты. Уже через месяц после разрушений М. Фридмен, названный «великим гуру движения за нестесненный капитализм», выдвинул идею о том, что «появилась новая возможность для радикальной перестройки системы образования». Идея М. Фридмена заключалась в том, что не стоит тратить миллиарды долларов на восстановление и усовершенствование прежней системы государственных школ Нового Орлеана; вместо этого правительство должно снабдить семьи ваучерами, чтобы можно было их использовать для поддержки частных учебных заведений, нередко приносящих прибыль, которые будут получать государственные субсидии. Крайне важно, писал М. Фридмен, чтобы это фундаментальное изменение было не временной мерой, а «устойчивой реформой» (Кляйн, 2009: 17).

Предложения М. Фридмена поддержала группа правых идеологов, которые повели наступление на город, недавно подвергшийся атаке стихии. Их планы одобрила администрация Дж. Буша (мл.), выделив десятки миллионов долларов на то, чтобы превратить школы Нового Орлеана в частные школы, использующие общественные средства, которыми руководят частные организации по собственным правилам. Между тем, учителя государственных школ, наблюдая, как деньги, выделенные жертвам стихийного бедствия, используются для «чистки» системы государственного обучения, на смену которому приходит частное образование, назвали план М. Фридмена «захватом территории образования» (Кляйн, 2009: 17–19).

Следует отметить, что наряду с Всемирным Банком, МВФ и ВТО, был создан и до сих пор процветает ряд обществ и фондов, поддерживающих и пропагандирующих неолиберальные идеи «свободного и глобального рынка». В их числе следует, прежде всего, назвать Общество «Мон-Пелерин» (Mont Pelerin Society), созданное в 1947 г. Ф. Хайеком вместе с группой из 36 ученых-экономистов, историков и философов. Целью этого общества было и остается «содействие обмену идеями между учеными-единомышленниками, отстаивающими идею свободного рынка, частной собственности и конкуренции, без которых сложно представить себе общество, в котором можно было бы реально защитить свободу»⁸.

К подробным «влиятельным» организациям правых неолибералов относится и Институт экономических отношений (Institute of Economic Affairs), базирующийся в Лондоне. Его миссия – «улучшение общественного понимания фундаментальных институтов свободного общества, с особым акцентом на роль рынков в решении экономических и социальных проблем, пропаганда идеи свободного рынка широкой общественности, в том числе политикам, студентам, журналистам, бизнесменам, ученым и всем, кто интересуется государственной политикой»⁹.

В 1973 г. был основан Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) – организация, позиционируемая как «фабрика мысли», которая формули-

⁸ Подробнее информацию об истории, целях и задачах общества смотри: <http://www.montpelerin.org>

⁹ Подробнее смотри: <http://www.iea.org.uk>

рует и продвигает государственную политику, основанную на принципах свободного предпринимательства, конституционного правительства, индивидуальной свободы и традиционных американских ценностях. На самом деле – это стратегический исследовательский институт США, материально поддерживаемый крупнейшими корпорациями, внесший много идей в область государственной и международной политики США, разработавший стратегию, известную как «доктрина Р. Рейгана». Фонд «Наследие» в свое время поддержал высказывание этого президента об «СССР как империи зла», оказывал военную и экономическую помощь проамериканским режимам и организациям Афганистана, Анголы, Камбоджи, Никарагуа и других стран¹⁰.

В целом список стран, которые пострадали от идеологии «глобализма» огромен. Результатом внедрения этой идеологии стало увеличение неравенства, основанное на несправедливом распределении ресурсов (не только материальных, но и человеческих) внутри и между странами в глобальном масштабе.

Неравное распределение ресурсов внутри отдельных стран обуславливают два фактора: владение землей и обладание политической властью. Например, индекс Джинни, рассчитанный для земельного неравенства, показывает, что в странах Латинской Америки таких, как Перу, Аргентина, Бразилия, Эквадор, имеет место более сильная концентрация земельных угодий в частном владении небольшого количества людей, чем в других странах мира.

Как отмечают исследователи, «в некоторых Латиноамериканских странах 10% людей держат в своих руках 90% земли. При этом землевладельцы используют свою землю для выращивания так называемых «денежных растений» (кофе, сахарного тростника и т.п.), которые предназначены для продажи развитым государствам. У людей, не имеющих собственной земли, отсутствует возможность самостоятельно обеспечить свои семьи продовольствием, результатом чего являются голод и связанные с ним болезни в их среде» (Kerbo, 2006: 33–34).

Под неравным распределением властных ресурсов понимают дискриминацию одной этнической (расовой) или религиозной группой, которая управляет страной, других этнических (расовых) или религиозных групп в отношении удовлетворения их естественных нужд, связанных с выживанием или доступа к определенным социальным благам.

Неравенство в распределении ресурсов между странами состоит в том, что развитые страны, такие, как Соединенные Штаты, Канада, Западная Европа, Япония и Австралия обладают большим количеством ресурсов, соответственно, они располагают большими возможностями уменьшить неравенство в условиях жизни, чем развивающиеся страны. В растущей экономике, как правило, также уменьшаются ряды тех, кто опускается ниже фиксированного уровня абсолютной бедности.

¹⁰ Подробнее смотри: <http://www.heritage.org>.

Неравенство в распределении ресурсов между странами имеет очевидные региональные особенности. Так, оно наиболее выражено в регионах и странах с высоким уровнем рождаемости, когда рост населения не соответствует росту доступа к элементарным человеческим благам – чистой воде, пище, жилью и рабочим местам. Примером одной из таких стран, пострадавших от глобализации, является Индия.

Проблемам усилившегося социального неравенства в Индии в результате глобализации посвящена одна из работ индийской исследовательницы с мировым именем – Ванданы Шивы – «Индия разделена: атака на разнообразие и демократию» (Shiva, 2005). В ней В.Шива опровергает тезисы довольно популярного в США обозревателя «Нью-Йорк Таймс» Томаса Фридмана, отраженные в его статье «Глобализация: живая и процветающая» (Friedman, 2002).

В данной статье, как отмечает В. Шива, Т.Фридман утверждает, что экономические и политические достижения Индии, известная технологическая мощь этой страны, вовсе не являются результатом освобождения ее от гнета колониализма. Им она (Индия – Н. О.) всецело обязана глобализации 1990-х гг. Политический, культурный и экономический плюрализм, которые такие общества как индийское развивали в своей стране тысячелетиями, ее интеграция в мировое сообщество, вовсе не заслуги народов этой страны. Это «подарки экстравагантной экономической глобализации, либерализации торговли и ассигнования этой стране различных ресурсов. Более того, глобализация помогла Индии в борьбе с внешним и внутренним терроризмом (Shiva, 2005: 74).

На самом деле, подчеркивает В. Шива, эта статья полна лживых представлений и ложных аргументов. Экономическая интеграция и так называемая «экономическая открытость» чаще производят экономическое неравенство и нестабильность, влекут за собой социальное разложение и оборачиваются «закрытием страны». Фактически несправедливая глобализация (насильственная интеграция в мировые рынки) питает религиозный фундаментализм, ненависть и ксенофобию во всем мире. Этого достаточно, чтобы показать, что глобализацию нельзя отождествлять с «открытым обществом».

Особенно опасной представляется В. Шиве открытость страны для транснациональных корпораций, деятельность которых имеет своим эффектом «экономическое исключение отечественных производителей». Так, из-за экспансии крупнейших международных корпораций были разрушены мелкие промышленные предприятия в Индии, утрачены миллионы рабочих мест (Shiva, 2005: 75).

Технологическая мощь Индии, обретенная ей в постколониальный период, является результатом уверенности Индии в собственных силах, ее самоопределения и государственного строительства. И она ничем не обязана глобализации. Это продукт национальной политики в области образования, рассматриваемого в качестве общедоступного блага, не при-

ватизированного рынком, когда получать образование могло множество молодых людей даже из далеко не самых обеспеченных слоев общества (Shiva, 2005: 78).

Неизбежным результатом глобализации в своей стране В.Шива также считает голод. Глобализация преобразовала еду из главной потребности людей, на удовлетворение которой все имеют право, в глобально продаваемый товар. В результате глобализации сельскохозяйственные производители Индии были лишены возможности потреблять продукты, которые выращивали; экологические условия сельскохозяйственного производства – ухудшены, а земли – отчуждены корпорациями (Shiva, 2005: 101). Одним из социальных последствий являются самоубийства индийских фермеров.

Так, согласно официальным данным более 160 000 фермеров совершили самоубийство в Индии с 1997 года¹¹. За последнее десятилетие самоубийств фермеров прокатилась по четырем индийским штатам – Махараштра, Андхра-Прадеш, Карнатака и Пенджаб. Такие самоубийства наиболее часты в зонах, где фермеры выращивают хлопок и непосредственно связаны с наличием монополий на семена. Поставка хлопковых семян в Индии в основном выскользнула из рук фермеров и перешла в руки глобальных производителей семян, таких как «Монсато» (Monsanto). Эти гигантские корпорации начали контролировать местные семенные компании, приобретая контрольные пакеты акций этих компаний, создавая совместные предприятия и заключая лицензионные соглашения, приводящие к созданию семенных монополий¹².

Сельскохозяйственная политика Индии стала ориентированной исключительно на внешние рынки, предназначена для экспорта, а не для удовлетворения внутренних потребностей населения страны. Это, в свою очередь, создало условия голода, голода для самых уязвимых сообществ. При этом семьи, живущие за чертой бедности, получают гораздо меньший объем продовольственной помощи, чем в колониальный период. Так, если в 1877 г. государство датировало питание лиц, занятых тяжелым физическим трудом в размере 1627 калорий в день (при необходимом для взрослого мужчины – индеец рационе в 3900 калорий), то в эпоху глобализации такая дотация варьирует от 100 до 200 калорий, что не отвечает элементарным нормам поддержания человеческой жизнедеятельности¹³.

Подобная сельскохозяйственная политика, по мнению В.Шивы, применяется институтами глобализма во всем мире – экспорт увеличивается,

¹¹ <http://www.project-syndicate.org/commentary/harvest-of-suicide/russian>. May 1, 2009. дата обращения – сентябрь 2013.

¹² <http://www.project-syndicate.org/commentary/harvest-of-suicide/russian>. May 1, 2009. дата обращения – сентябрь 2013.

¹³ Исследовательница ссылается на данные, полученные П. Виняком. (Prasad Vinayak. Access to Health Care in India. The Equity Concerns. Governance and Poverty. Contemporary Policy Reforms in India).

в то время как люди голодают. Корпорации субсидированы, в то время как люди лишены продовольственных субсидий. Прибыли компаний возросли, с тех пор как бедные слои населения лишились продовольственных субсидий. Либерализация торговли – средство, чтобы заставить голодать бедных, и накормить корпорации (Shiva, 2005: 107).

Тем самым очевидно, что все то, что это имело место во время колониального правления, возвращается в худшем виде в эпоху «реколонизации глобализацией» (Shiva, 2005: 102). И речь идет не только об Индии: глобализация разрушает экономический суверенитет, рвет тонкую ткань равенства, демократии и плюрализма в странах Южной Азии. Она сеет семена неравенства, исключения, фундаментализма и насилия (Shiva, 2005: 78).

В. Шива утверждает, что глобализация не является для Индии доминирующей идеологией, она оспаривается и блокируется индийским обществом. Не единообразие, по единственно верному, навязываемому извне образцу, а именно «разнообразие создает гармонию; и гармония, в свою очередь, создает красоту, баланс, щедрость, мир в природе и обществе, в сельском хозяйстве и культуре, в науке и в политике» (Shiva, 2005: 74).

Страной, которую также отличают определенные особенности в сфере социального неравенства, обусловленные глобальной экспансией западных образцов социального поведения и неолиберальных ценностей, безусловно, является Россия.

Перед международными финансовыми организациями, представители которых буквально наводнили нашу страну после распада СССР, вовсе не стояли задачи скорейшего оздоровления экономики этой страны. Основной целью было «спровоцировать» страну на новые заимствования, поставить ее в зависимость от диктата международного капитала. Радикальная либерализация, проводимая российским правительством в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда, и оцененная специалистами как начало «эры хамского рынка» (Кляйн, 2009: 321–340), привела к тому, что отечественную экономику охватил перманентный кризис, протекающий на фоне беспрецедентного по масштабам и темпам падения промышленного производства (Россия в цифрах, 2000: 115), следствием которого стали и беспрецедентные масштабы социального неравенства.

Как отмечает Дж. Стиглиц, «Рука об руку с уменьшением пирога национальной экономики шло усиление неравенства его распределения. Среднему россиянину доставался все меньший и меньший кусок. Результаты обследования, проведенного Всемирным банком в 1989 г. показали, что только 2 процента россиян жили в бедности. К концу 1998 г. доля бедных возросла до 23,8 процента, если брать за критерий жизнь на 2 долл. в день. Если использовать критерий существования менее чем на 4 долл. в день, то более 40 процентов населения страны оказались за гранью бедности» (Стиглиц, 2003: 187).

Переходный период сильно увеличил число живущих в бедности и привел к процветанию небольшой кучки в верхах, однако наиболее сильно пострадал средний класс. Инфляция, как мы уже отмечали, смела их скудные сбережения. Заработная плата не поспевала за инфляцией, и реальные доходы упали. Сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение разрушило их уровень жизни (Стиглиц, 2003: 188).

Фактически же оказалось, что самонадеянные профаны, с ограниченным экономическим кругозором и мало знающие Россию, пытались изменить ход истории. Провал был закономерен (Стиглиц, 2003: 225). Проводимая в 90-х годах XX века политика вывела Россию в группу государств с наиболее высоким уровнем экономического неравенства, что выразилось в проявлении крайностей нищеты и богатства. Эти крайности имеют специфические национальные особенности.

Первой особенностью является несоответствие величины национального богатства страны, ее природных ресурсов и человеческого капитала уровню благосостояния ее граждан.

Так, в рейтинге крупнейших экономик мира, ежегодно составляемом Всемирным банком, Россия заняла пятое место в мире и первое в Европе. В 2012 г. объем ВВП в нашей стране составил 3,380 трлн долларов (в США – 15,684 трлн, Китае – 12,47 трлн, Индии – 4,794 трлн, Японии – 4,49 трлн.). Однако это лишь статистическая игра, поскольку расчеты делаются на основе паритета покупательной способности национальной валюты, а не по текущему курсу, а у тех стран, у которых велика доля сырьевых товаров в ВВП, этот паритет выше. Поэтому большинству населения «попадание» нашей страны в пятерку крупнейших экономик мира ничего не сулит¹⁴.

Вторая особенность – значительные различия по уровню концентрации денежных доходов между субъектами Российской Федерации. Оценки специалистов показывают, что в конце 90-х гг. XX века экономическое неравенство в российских регионах различалось примерно в 2,5 раза (Бобков, 2003). Если взять для сравнения величину среднедушевого денежного дохода в регионах, то в Москве он, по данным Росстата на апрель 2013 г. составил 62,679 рублей; в Подмосковье – 31505 рублей; в Калмыкии – 11894 рубля, при этом большинство жителей региона получают до 7000 рублей в месяц¹⁵.

Третья особенность – огромная дифференциация доходов, получаемых гражданами: в среднем по стране доходы наиболее обеспеченных 20% населения превышают уровень достатка 20% лиц с наименьшими доходами в 16,2 раза. Это так называемый коэффициент фондов, который, например, в Германии составляет 6,9; в Финляндии – 5,6; и даже в Индии он равен всего 7,5¹⁶.

¹⁴ Угодников К. 5-е место // Итоги. 2013. 22 июля. С. 6.

¹⁵ Ужасы наших городков // Итоги. 2013. 5 августа. С. 12.

¹⁶ Ужасы наших городков // Итоги. 2013. 5 августа. С. 12.

Четвертая особенность – неполнота оценок подобного неравенства. Отечественная статистика не в состоянии оценить богатство всех россиян вследствие отсутствия его регистрации (учета), единого реестра прав собственности, достоверных сведений о персонификации имущественной обеспеченности.

Ни одна наука не занимается социальными отношениями с той очевидностью как социология, и при этом она затрагивает жизненные интересы людей» (Bourdieu, 1968: 69). Существует очевидная связь между изучением социологии, социологической практикой и пробуждением общественного сознания. Ни один сложившийся социолог не останется безучастным в отношении неравенства, существующего сегодня в мире, отсутствия социальной справедливости во многих ситуациях или бесправия миллионов людей.

Социологический анализ неравенств в эпоху глобализации действительно позволяет сформулировать представления о различных вариантах решения этой социальной проблемы. Многие социологи обсуждают эти варианты и часто выбирают тот, который с их точки зрения является наиболее перспективным для развития общества.

В ряду решений, которые обычно предлагают социологи, следует назвать введение прогрессивных налогов и повышение эффективности деятельности социальных служб. Однако эти решения прямо связаны с экономической политикой государства, поэтому вполне естественно, что представители социологической науки часто не в состоянии обосновать их экономически. Они могут лишь предоставить данные об уровне безработицы, числе бездомных и бедных, их социальном самочувствии, вывести следствия из сложившейся ситуации. Например, показать, как рост безработицы связан с увеличением числа бездомных, стрессами в семьях, ростом преступности, уменьшением расходов на общественные нужды и увеличением затрат на содержание полиции, судей и тюрем.

Однако сфера социального управления очень сложна, а конкретные управленческие решения предполагают учет не только социологических данных, но и многих других – экономических, политических, культурных, технических и т.п. факторов. В данной связи решения, предлагаемые социологами, могут быть очень привлекательными для общества или для его отдельных групп. Но они не всегда отвечают тем имеющимся экономическим или социально-политическим условиям, сведениями о которых располагают только лица, полномочные принимать непосредственные решения, а часто и конкретным интересам этих лиц.

Однако если общество действительно желает, чтобы социальное неравенство уменьшалось, социология может помочь понять, как это желание реализовать.

Прежде всего, социологические исследования позволяют обществу, его гражданам и политикам отчетливо осознать причины глобального социального неравенства и увидеть тенденции его развития и наметить

пути смягчения. Социологи в состоянии сформулировать ясное представление о возможных последствиях любой социальной политики в отношении социального неравенства. И оно может стать бесценным как для тех, кто эту социальную политику формулирует, так и для тех, кто пытается ее изменить (Berger, Kellner, 1981: 76).

Действительно, жизнь несправедлива по отношению ко многим людям, как живущим в современном мире, так и многим людям на протяжении истории человечества. До сих пор начало жизни множества людей знаменуется осознанием отсутствия достоинства, уважения или средств к существованию, хотя сами они ни в чем не виноваты. Они просто родились бедными в бедной стране, или среди людей, которые подвергаются дискриминации и т.п. Другими словами, они просто родились в готовой социальной системе. Эта социальная система, в каком-то смысле, «проглатывает» любую попытку, направленную на достижение таких целей, как равные возможности, удовлетворение основных потребностей, уважительное отношение, перераспределение ресурсов с тем, чтобы люди могли вести достойный образ жизни. И, до тех пор, пока существует определенная социальная система, также будут существовать социальные и личные проблемы, из нее вытекающие.

Люди сами создали социальную систему, в которой живут, которая привела к существующим на сегодняшний день социальным неравенствам, без понимания его разрушительного воздействия на общество в целом или на отдельные группы людей в частности. Но они также в состоянии эту систему изменить. Ведь человечество многого добилось в смягчении отдельных видов социального неравенства – в мировом масштабе существенно уменьшена дискриминация женщин и этнических меньшинств, а за большинством людей закреплены их гражданские права.

Однако для того, чтобы изменения действительно имели заданную и устойчивую позитивную направленность, сначала следует определить тот тип социальной системы, которая будет приемлема для всех или почти для всех, а также сможет служить руководством для будущих обществ.

Если вести речь о той социальной системе, в которой социальные неравенства могут быть устранены или существенно смягчены, то социологи должны найти ответы на вопросы: Какая социальная структура является справедливой? Какая социальная структура является человеческой? Какая социальная система наделит всех равными или почти равными возможностями? Какая социальная структура поможет людям удовлетворять свои потребности? Какая социальная структура предоставит людям значительную степень свободы?

Сегодня социологи, более, чем когда-либо в истории человечества, располагают наиболее ясной и всесторонней картиной того, что происходит в социальной жизни, чем когда-либо в истории. Именно потому, что создана значительная база данных о социальных неравенствах, показано множество социальных примеров и моделей поведения в них, выде-

лены переменные, которые их вызывают эти проблемы, стало очевидным, что «социология не только может, но и должна играть важную роль в их устранении» (Crone, 2007: 45).

Список литературы

- Александрова А. Б. Бедность абсолютная. // Социологическая энциклопедия. Минск, 2003.
- Berger P. L., Kellner H. *Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. Garden City, New York, 1981.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.
- Bourdieu P. *Metier de Sociologue*. Paris, 1968.
- Bowel T. *Hegemony and Bifurcation Points in World History // The Future of Global Conflict*. New York, 2002.
- Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006.
- Бобков В. Экономическое неравенство: российские тенденции на фоне мировых реалий // *Общество и экономика*. 2003. № 1.
- Weiss C.H. *The Interaction of the Sociological Agenda and Public Policy / W.J.Wilson (ed.). Sociology and the Public Agenda*. Newbury Park, 1993.
- Добренков В.И. Глобализация и Россия // *Будущее России: стратегии развития*. В 2 т. М., 2005. Т. 1.
- Kerbo H.R. *World Poverty: Global Inequality and the Modern World System*. Boston: MacGraw-Hill, 2006.
- Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Пер. с англ. М., Добрая книга, 2009.
- Crone J. *How Can We Solve Social Problems? A Sage Publication Company: California: Thousand Oaks*, 2007.
- Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Осипов Г. В. Российская социология в XXI веке: доклад на II Всероссийском социологическом конгрессе. 30 сентября – 2 октября 2003 года. М., 2003.
- Ritzer G. *Sociological Theory*. McGraw-Hill International Edition, 2000. P. 31
- Rodrik D. *The Rush to Free Trade in the Developing World: Why So Late? Why Now? Will It Last? // Voting for Reform: Democracy, Political Liberalization and Economic Adjustment / St. Haggard, St.B. Webb. (Eds.) New York: Oxford University Press*, 1994.
- Россия в цифрах. М.: Статиздат, 2000.
- Shiva V. *India Divided: Diversity and Democracy under Attack*. New York: Seven Stories Press, 2005.
- Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. *Человек, цивилизация, общество*. М.: Изд-во политической литературы, 1992.
- Steger M. *Globalization*. New York: Oxford University Press, 2003.
- Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
- Friedman T. L. *Globalization, Alive and Well // New York Times*. 2002. 22 September. 2002.

- Фридмен М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003.
- Фридмен М. Ценовые ориентиры. Если бы деньги заговорили. М.: Дело, 1998.
- Хайек Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012.
- Хайек Ф. О свободе // Милтон Фридмен и Фридрих Хайек. О свободе. Серия «Философия свободы». Вып. II. М. (Челябинск): Социум, Три квадрата, 2003.
- Харви Д. Краткая история неоллиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.
- Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности // Социологические исследования. 2006. № 7.